Анор – восстановление храма

Источник: Православие.Ru

ЖАННА БОБКОВА | 12 ДЕКАБРЯ 2014 Г.

Я смотрю на женщину, решившую в одиночку восстанавливать храм. О трех стенах. Без крыши. На острове посреди реки. В 700-х километрах от Москвы. Не имея к этому никаких средств. В 24 года.

Храм Рождества Христова в Крохино

- **Покровский храм и народ-строитель**
- **Зачем реставрировать храмы, в которые никто не ходит?**

Итак, по плодам их узнаете их. Не всякий, говорящий Мне: «Господи! Господи!», войдет в Царство Небесное, но исполняющий волю Отца Моего Небесного (Мф. 7, 20–21).

Ибо где сокровище ваше, там будет и сердце ваше (Мф. **6**, 21).

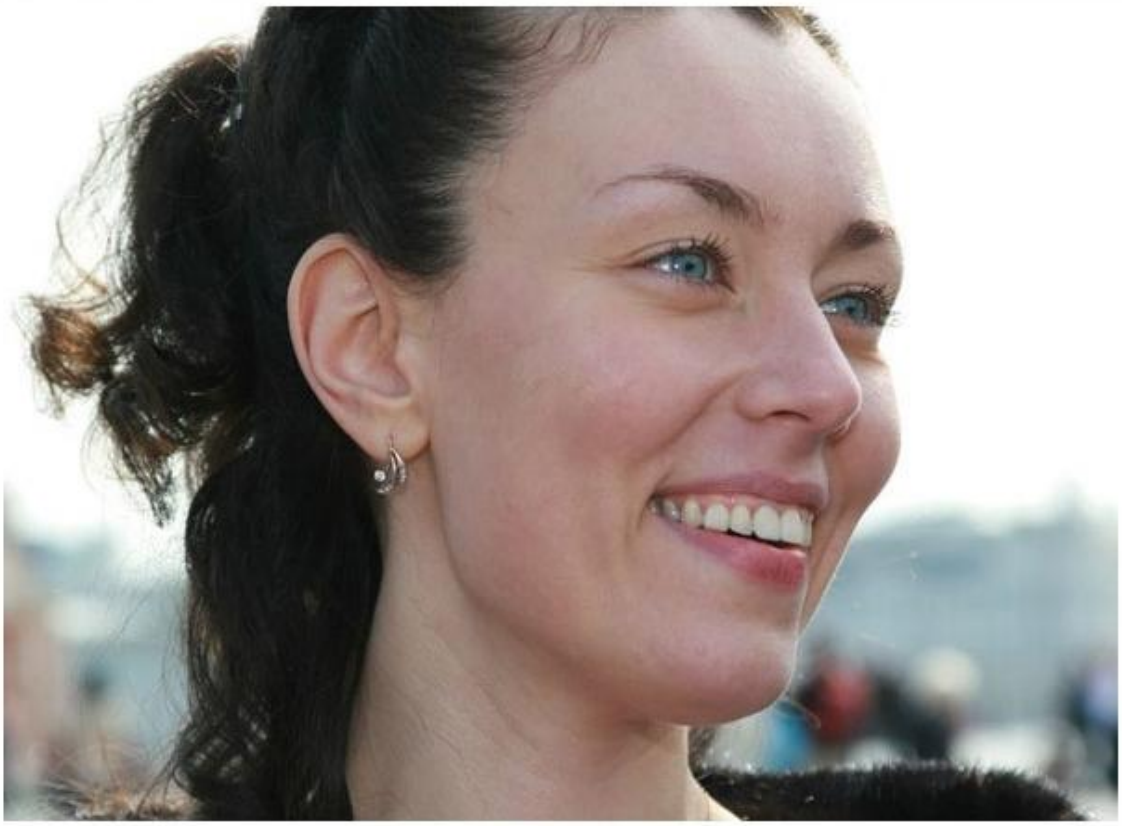
На воде покойне

– Что мне помогает? Его образ. Он мне как-то во сне явился. Светлый-светлый, белый-белый!

Я смотрю на женщину, решившую в одиночку восстанавливать храм. О трех стенах. Без крыши. На острове посреди реки. В 700-х километрах от Москвы. Не имея к этому никаких средств. В 24 года.

Она спокойно наливает чай и вежливо спрашивает, какие у меня к ней вопросы. Вопросы, вопросы... Вопросы?! Видимо, всё сейчас же большими буквами пропечатывается у меня на лбу. Анор улыбается. С тех пор, как она стала заниматься сохранением и возрождением церкви Рождества Христова в Крохино в Белозерском районе Вологодской области, прошло 7 лет.

«Светлый-светлый», «белый-белый» храм, о котором говорит Анор, – это три стены и колокольня, торчащие прямо из воды. Церковь Рождества Христова, построенная в конце XVIII века у самого берега Белого озера, у истока реки Шексны – единственный в России храм на воде, сохранившийся после затопления огромных территорий при строительстве Волго-Балта.



Анор Тукаева

Сегодня, наконец, о затоплении огромных территорий России стали писать, говорить, снимать фильмы. Волго-Балт, легендарный, народный, тот самый – кровавый, разрушительный, наполненный слезами. По разным данным, 700 деревень, 65 городов, 140 церквей, 3 монастыря, 294 жителя, десятки тысяч рабочих погибли в его водах. В этом страшном списке есть и храм Рождества Христова в деревне Крохино – храм Анор.

– Семь лет назад мы с мужем сами – автомобиль и карта, никаких GPS-навигаторов у нас еще тогда не было – зимой поехали по затопленным местам Ярославских и Вологодских земель. Спешки никакой было – Крохино и Крохино. Ну, храм. Он еще был неувиденный, неузнанный... Просто галочка на карте, мысль: «Надо бы заехать».

Ставлю себе свою «галочку»: обязательно спросить про мужа Анор. Интересный тоже, должно быть, человек. Вся история этой молодой женщины настолько удивительна, что вопросы у меня в этот раз получаются какие-то неуклюжие. Хочется спросить про... про... ну про то, про То, что не знаешь, как и словами-то выразить. Вместо этого вдруг выпаливаю:

– Анор, вы помните момент, когда вас «прошибло»?

– Когда меня «прошибло»? – Анор смеется. – Да, помню. Когда мы еще в первую свою поездку из храма вышли, у меня было ощущение, что случилось нечто важное. Что после этой Встречи все уже не будет так, как прежде, что она что-то даст мне. Так бывает: ты еще не понимаешь, что будет, но уже знаешь: за этим что-то последует. Было очень грустно, очень больно. Много я разрушенных храмов видела в глубинках, но нигде такого ощущения не было, что вот скоро, скоро ЭТО произойдет – нет, не постоит он, никто не проедет «вдруг», не заметит, не спасет. Ощущение сильной боли... С одной стороны, пройдена точка невозврата, а с другой – не пройдена точка сердцебиения храма. Он еще жив. Ты понимаешь, что еще можно помочь, что он живой, что он весь трепещет, передает эту информацию всем, но не все ее слышат. Страшная история безразличия, когда мимо него 50 лет плавают туристы, и все его видят, все знают, все понимают. Очень сильная история человеческого безразличия. Это символ.

А буквально через три дня мне явился образ этого храма. Очень яркий. Помню, в тот день лазила в Интернете, ничего специально не искала... Случайно наткнулась на фотографию: какая-то английская крепость, развалины, все огорожено, травка к травке. И тут меня просто задело за живое: как же так?! Что там такого в этой крепости, когда у нас погибают такие храмы? И конкретно вот этот, вот этот, который так задевает... Почему?!

Я села за письма: Президенту, в Министерства, в ЮНЕСКО. На переписку, на встречи, на первые шаги в проекте у меня ушло практически 2 года.

В открытое окно с улицы долетает детский смех. В кольце многоэтажек – детская площадка. Где-то там гуляет с бабушкой маленький сынок Анор. Вспоминаю, что в тот момент, когда Анор начинала крохинский проект, декретный отпуск еще был далеко впереди, и она работала наравне с мужем.

– Да, письма. На нашем сайте все полученные ответы выложены. Фонды вообще не отвечали. Из Администрации Президента мне написали, что мое обращение не по адресу, и перенаправили письмо в Министерство культуры, оттуда его переслали в Департамент культуры Вологодской области. Там мне ответили, что этот храм «памятником не является»... Тогда я начала искать совета у простых людей: у архитекторов, инженеров. Получила некоторые знания, опыт, обзавелась каким-то кругом знакомств. Естественно, никто меня не поддерживал, но несколько человек сказали: «Да, деточка, старайся». Это были архитекторы. Один из них, Игорь Климентьевич Русакомский, 30 лет положил на то, чтобы восстановить храм Преображения Господня на Преображенской площади – последний взорванный храм в Москве. Теперь я понимаю, почему он поддержал меня в тот момент, а тогда я не знала, что у него тоже есть своя, личная история, связанная с восстановлением храма. Мало кто может это, как оказалось, понять.

– Многие журналисты, к которым я обращалась просьбой написать что-нибудь о Крохино, помочь рассказать о проекте, говорили, что, во-первых, это не интересно, а во-вторых, этот проект недолговечен и через пару месяцев мой «юношеский максимализм» пройдет. С тех пор прошло 6 лет... Может, вам еще чаю налить?

Киваю. Я уже знаю, чем кончилось это «хождение в народ». Засученными рукавами, стиснутыми зубами. Первые два года Анор ездила в Крохино одна, без мужа. Возила журналистов, показывала храм, пыталась заинтересовать, встречалась с администрацией и вологодскими чиновниками. Потом ей стал помогать муж, появились первые волонтеры. Бывало, что все волонтеры разъезжались, а они оставались и доделывали работу вдвоем.

Работы было много, и работа была тяжелая. Восстановить храм в ближайшем будущем не представлялось возможным. Значит, нужно было как можно дольше удерживать его хотя бы в том состоянии, в котором он был. Нужна была дамба, которая защитит храм от подтачивающих фундамент волн. Рукотворная дамба.

– Сначала не было ничего, кроме собственных рук и деревянных носилок. Не было даже лопаты. Все руками грузили, ссыпали, по цепочке передавали кирпичи. Как делать защитную конструкцию, мы узнавали методом проб и ошибок, изобретали на месте. Сначала сыпали все подряд под стены. Потом заметили, что кирпичная мелочь, оказывается, вымывается волной, и стали укладывать в дамбу обломки покрупнее. Весь материал на остров перевозили на лодке.

– Значит, защитная конструкция – это...

– Это очень нехитрое сооружение: мешки, заполненные кирпичным боем, укладываются в несколько рядов на подушку из кирпичных обломков, накрываются сеткой рабицей, фиксируются штырями, а сверху – панцирь из цементного раствора. Понятно, что со временем волна всё это может разбить; если не поддерживать дамбу постоянно, года через четыре её уже не будет.

Наша дамба просто отсрочила гибель храма. За время, которое мы получили, построив дамбу, мы должны найти средства, чтобы его спасти. Дамбу мы постоянно укрепляем. Каждодневное воздействие волн, весенний лед – все это серьезные испытания для такого не особо крепкого сооружения.

– Постоянно – это...?

– Каждый месяц. Наш сезон начинается в конце апреля, на первомайские праздники, и заканчивается в октябре.

Осмысляю. Крохино – это север Вологодской области, почти 700 километров от Москвы. От поезда надо добираться автобусом до города, от города – непонятно на чем до самого поселка, потом на лодке...

Волонтеры в Крохино появились благодаря Интернету. Анор бросила клич в соцсетях и откликнулись пять человек. Один из постоянных членов команды (который не пользуется ни телефоном, ни Интернетом) приплыл на остров случайно, путешествуя на лодке, и встретился там с командой Анор.

– Так сколько у вас всего волонтеров в настоящий момент?

– Всего за 4 года, я посчитала, около двухсот человек побывали с нами в Крохино. В поездке обычно бывает 5–10 человек. Постоянных волонтеров у нас человек девять, не больше. С годами все меняется, конечно. Кто-то уходит, кто-то приходит, но это естественно, у кого семья, у кого учеба началась, у кого-то, наоборот, закончилась, а началась работа. Это жизнь. Есть люди, которые не ездят, но участвуют по-другому, в архивах, например, какие-то материалы ищут, но таких тоже единицы.

– Что за люди ваши волонтеры? Какие они?

– Люди такие подбираются... – Анор задумчиво смотрит в окно. – Даже не скажу, что постоянные, но... Такие, с корнями, что ли. Как деревья. Как дубы. Очень трудолюбивые, любящие физический труд. А это, оказывается, такая особенность, которая не всем присуща. Средний возраст – 28–45 лет. А вообще, от 16 до 72 лет, и такое бывало, крайне уникальные люди. Крохино – это для внутренне зрелых людей, которые понимают, зачем они едут, куда они едут. Тяжелая работа, тяжелый, немного непонятный всем объект... Это специфические люди. В последние годы костяк – это мужчины. Оно и понятно, все-таки тяжелая работа. Но есть несколько женщин (и я, естественно, себя к ним причисляю), которые очень преданы храму. Не проекту, а именно храму. Которые влюблены, прочувствовали что-то такое неуловимое, такое иррационально-эмоциональное. Женщинам тоже есть, что делать. Одна как встала за бетономешалку, так и делала раствор весь день. Уж если женщина в 72 года нашла, чем заняться! Никто не надрывается, я и сама всегда находила себе работу. Завалы разбираем, тачки нагружаем – а мальчики везут. Ну, и по хозяйству, конечно. Питание самое простое, всё готовим загодя в городе, берем с собой термосы, чайник, чай, кофе.

Крохино – очень сильное духовное место, поэтому тем, кто задерживается в нашей команде, удается прочувствовать вот это самое нечто, которое там есть. Я не знаю, конечно, как все это в слова обернуть, чтобы было понятно. Просто надо побывать там. Несмотря на то, что храма нет, храм там есть.

– Кто сейчас ваши спонсоры?

– У нас сейчас нет спонсоров. Есть небольшие частные пожертвования. Люди перечисляют по 100, 200 рублей. Сами волонтеры скидываются на поездки и расходы в пути. Из Москвы или из Питера поездка на выходные обходится в 5–6 тысяч. Была помощь натуральная – одна типография напечатала нам буклеты, открытки. Есть люди, которые «болеют» проектом, но не ездят в Крохино, а помогают тем, что собирают материалы о храме в архивах, например.

– Почему невозможно бросить храм, которым ты уже начал заниматься?

– Я сама думала, как объяснить это людям.

Отхлебывает чай, смотрит в окно. У Анор голубые глаза, в цвет вечереющего неба за окном. Иногда кажется, что она говорит вовсе не со мной, что мысленно она там, около храма.

– Представьте ситуацию. Вы идете по пустынной улице. Никого нет. Впереди вас идет пожилой человек. Ему становится плохо, он падает. Вы подбегаете и начинаете ему оказывать помощь. Никого нет, и вы понимаете, что вы либо окажете ему эту помощь, либо нет. Вы уже склонились над ним… Тут внезапно с соседней улицы прибегает человек и говорит: «Оставь этого, он старый, некрасивый, очень больной. Бежим туда, там тоже нужна помощь, но там девушка, она более симпатичная и ей помочь гораздо проще». Но вы уже не можете уйти. Потому что у вас уже, во-первых, появилась эмоциональная связь, а во-вторых, появилось чувство долга, обязанности, вы просто не можете уйти. Здесь то же самое: храм живой, как живой организм, и у нас есть с ним какое-то духовное общение. Мы приезжаем, мы радуемся тому, что он еще стоит, он радуется тому, что мы всё еще приезжаем и бьемся за него. Невозможно просто взять и уйти, зная, что он без нас рухнет.

Конечно, совершенно понятно, что я сейчас спрошу.

– А это чувство долга не начинает в какой-то момент тяготить? Что нельзя уйти с этой улицы и бросить этого человека? Наверное, бывает, что и ехать не хочется?

– Нет, ехать всегда хочется, как на свидание с любимым человеком. Бывают просто тяжелые минуты, но и в жизни так бывает: отчаяние какое-то, плохие новости, которые выбивают из колеи. Но это никакого отношения не имеет к самому храму. Наоборот, любое смятение проходит, как только в голове воссоздается светлый образ этого храма, летящий какой-то. И он нивелирует сиюминутные трудности. А потом, все сложности, они все равно подталкивают к чему-то, дают новое направление. Новый тупик – это, как правило, новый выход. Я думаю, что этот храм дает гораздо больше нам, чем мы ему. Наоборот, он заставляет двигаться, выполнять эту невозможную, непосильную, казалось бы, задачу. Это тяжело, но раз есть силы двигаться дальше, значит, они откуда-то берутся. Я думаю, они в большей степени оттуда как раз и поступают, эти силы. Из Крохино. Единственное, что сильно давит, это то, что времени уже мало. Что песочные часы уже перевернуты. Все остальное преодолимо. Время. Его очень мало.

Я очень хорошо знаю это чувство, поскольку раньше, до родов, всегда работала на острове вместе со всеми, вплоть до того момента, когда живот совсем перестал позволять. И это удивительное ощущение, когда ты трудишься на износ, а силы есть и есть – и все улыбаются. Всем радостно, всем хорошо. И работа тяжелая, а у всех всегда подъем, у всех хорошее настроение.

Вслух выражаю свое мнение по этому поводу.

Анор оборачивается к мужу:

– Подтверди!

Муж Анор уже пришел с работы, и, чтобы нам не мешать, тихонько сел работать за компьютер. Он с готовностью оборачивается на вопрос жены и, ни минуты не колеблясь, отвечает:

– Да!

– **А вы тоже ездите?** – удивленно поворачиваюсь к нему я.

– Да, всегда езжу. – Он очень приветлив, и видно, что с удовольствием готов поговорить о «семейном» храме. Уже позже он расскажет мне, что три года ждал, когда Анор оставит этот проект, но потом, видя, как она горит им, стал помогать. И проникся настолько, что теперь уже не видит своей жизни без того, чтобы не ездить восстанавливать этот русский храм. Он – поляк, католик.

– Эта церковь – не только Православие, – оживляется муж Анор, – это и духовный, и исторический объект, памятник тому, что происходило на тех землях, история человеческих судеб.

– Мультисмысловой символ, – добавляет Анор.

– Да, глобальный объект, – кивает он. – Для меня он тоже храм и место, где люди сотни лет поклонялись Богу.

– Он пропитан *этим*...

– Пропитан, да!

В какой-то момент просто начинаю любоваться тем, как муж и жена дополняют друг друга, как налету ловят мысль друг друга, выговаривают ее еще прежде, чем другой успел ее подумать. Чай давным-давно остыл, да никто уже про него и не помнит.

– Понимаете, там *это* абсолютно чувствуется! – когда Анор говорит про храм, в ее голосе всегда появляются особые интонации, нежные, тягучие, мечтательные. Наверное, именно так моряки говорят о кораблях.

– Это сила какая-то, – вторит он.

– Это не только мы заметили.

– То есть это не только наше восприятие. Наши волонтеры тоже заметили какое-то влияние непонятное.

– Не влияние, а вот этот дух, сила этого Духа, святость этого места.

– Энергетика какая-то. Знаете, у нас в команде никогда нет таких разговоров «кто и как верует, часто ли ходит в церковь, куда...» Как-то все там и так понятно. Там, в Крохино, есть что-то *над* всем. Вера превозмогает все.

– Планируем последнюю в этом сезоне поездку. Очень жду, планирую, что будем делать, чтобы побольше успеть, пока зима не наступила. Хочу и храм увидеть, и всех людей, которые приезжают. Мы уже как семья. Встречаемся только там, даже московские ребята. Это уже образ жизни, часть жизни, часть нашей семьи.

Хлопает дверь, и весь дом вдруг наполняется шумом, гамом, смехом. Это с прогулки привели малыша. Родители сразу же переключаются на сынишку. Анор моментально превращается в ласковую, счастливую маму, и все пространство вокруг наполняется невероятной, почти осязаемой любовью. Следующие десять минут диктофон записывает «агуки»: я забываю его отключить, любуясь на эту удивительную перемену.

Понимаю, что пора уходить. Анор вышла. Она хочет что-то подарить мне. Раскрасневшийся карапуз притих и внимательно рассматривает меня.

– Знаете, я не хочу просто копить деньги, вот просто зарабатывать – и копить, – вдруг говорит мне супруг Анор. Он волнуется, его польский акцент становится заметнее. – Я как глава семьи хочу... хочу, чтобы я, мужчина, и моя семья оставили после себя на этой земле след. Доброе, славное дело. Такое, чтобы оно осталось для наших потомков. Чтобы наши дети гордились нами. Понимаете?

– Вот, возьмите. Мы их сами делали. – Анор входит и протягивает мне магнитик. На нем крохинский храм: невероятный, «живой», почти разрушившийся, стоящий на водной глади. Маленький рисованный ангел сидит на месте, где когда-то давным-давно была крыша. Он удит рыбу и с интересом смотрит на рисованного паренька, который заботливо прилаживает на храм рисованную маковку.

– Так значит, вы напишите о Крохино?

Они провожают меня всей семьей. Мне почему-то неловко. Стыдно за что-то и хочется извиниться. Прощаюсь неуклюже и скомкано.

Внизу на детской площадке играют дети. Звонкие голоса эхом отлетают от бетонных стен, наполняют весь двор и улетают вверх, в синеву вечернего неба. В окнах зажигаются первые огни. Вспоминаю слова Анор о Встречах, после которых чувствуешь, что что-то в тебе изменилось.

Крепко сжимаю в кармане магнитик с храмом Рождества Христова. «Доброе, славное дело. Чтобы гордились... Понимаете?»

Церковь Рождества Христова в Крохино

В писцовой книге Кириллова монастыря упоминается, что Крохино существовало еще в 1426 году. В 1788 году на левом берегу реки Шексны была построена каменная двухэтажная с колокольнею церковь Рождества Христова. В нижнем этаже был зимний храм, а в верхнем двухсветном – летняя церковь. В начале 60-х годов XX века Крохино, Карлугино и другие поселения Белозерского района попали в зону затопления при создании глубоководного Волго-Балтийского водного пути. Уровень воды в Белом озере поднялся, обеспечив гарантийную глубину для прохождения судов, а под воду ушли древние села и целая жизнь... Жители затопленных территорий разобрали свои дома и переселились, а на брошенной земле остались церкви. Среди них наиболее известная из-за своего расположения крохинская церковь Рождества Христова.

Строительство Волго-Балта. Цифры

3 месяца было дано жителям, чтобы освободить территорию, перенести по бревнышку дома в другие места или хотя бы убраться самим. Это было в июле 1936 года. Затопление произошло только в 1941 году.

294 человека официально при затоплении погибло. В основном это были пожилые немощные люди, которым было не под силу переехать на новое место. Органами госбезопасности все они были объявлены сумасшедшими, пожелавшими добровольно уйти из жизни. «Среди них были люди, которые накрепко прикрепляли себя замками к глухим предметам». (Выдержка из рапорта лейтенанта госбезопасности Склярова, архив Рыбинского музея. Подлинность рапорта остается спорной).

Более **100 человек** ежедневно (!) гибли на стройке Рыбинского узла (свидетельство строителя Рыбинского узла С.Л. Короля. «Исчезнувший город Молога», Леннаучфильм, 1987 г.)

Волго-Балт. Факты

Почему затапливали целые города, церкви, монастыри, жилые дома?

Волго-Балтийский водный путь им. В. И. Ленина – «искусственный водный путь, соединяющий Волгу с Балтийским морем, а через Беломорско-Балтийский канал и с Белым морем» (БСЭ, 1969–1978 гг.) через систему рек, озер, искусственных соединяющих каналов и гидроузлов.

Что было до Волго-Балта. До этого уже существовала система водного сообщения между Балтийским морем и Волгой, так называемая Мариинская водная система. Функционировала система с начала XVIII века. Однако, согласно Большой советской энциклопедии, «к началу XX в. она уже не удовлетворяла транспортные потребности страны», несмотря на проведённую в конце XIX века реконструкцию.

Как это работает? Водный путь можно сравнить со сложной системой водопроводных труб, гидроузлы – с кранами. Рыбинский гидроузел, один из 5 узлов («кранов») на пути Волго-Балта, должен был выполнять энергическую функцию. Предполагалось, что это будет ГЭС, которая обеспечит энергией значительные территории.

Почему инженерам нужна была высокая плотина? Плотины нужны, чтобы собрать большую массу воды. Здесь действует древний принцип мельницы: вода падает на лопатки турбины и вращает их. Чем полноводнее река и выше плотина, тем с большей силой падающая вода будет давить на лопатки турбины. Тем быстрее она будет вращаться, тем больше энергии выработает. Отработавшая вода течет дальше.

Можно ли было построить мощную ГЭС и сохранить при этом города? Да. Проект верхневолжских ГЭС в самый последний момент был изменен для увеличения мощности электростанций. Уровень зеркала водохранилища решили поднять еще на 4 метра, которые как раз и решили судьбу конкретно Мологи и других поселений. Можно было увеличивать объем воды не только за счет увеличения площади зеркала водохранилища, но и за счет углубления дна и берегов. В таком случае были бы затоплены меньшие площади, сохранены многие поселения и земли.

Почему факт затопления так долго скрывался от нас? Уже после окончания работ стало ясно, что проект Рыбинской ГЭС был инженерной ошибкой. История затопленной Мологи была так долго скрыта от нас не только потому, что во время затопления погибли сотни ее жителей. И не только потому, что эта стройка века унесла жизни нескольких тысяч строителей. Строительство оказалось пустым и ненужным. Рыбинская ГЭС маломощная и нерентабельная, она едва ли обеспечивает энергией маленький Рыбинск (проживает менее 200 тыс. чел. на 2014 год). Во время великого моложского переселения ушли под воду 700 деревень по берегам Волги, было разрушено 140 церквей и 3 монастыря XV века. Точное число жертв неизвестно и по сей день. Официально при затоплении погибло 294 человека (см. рапорт лейтенанта госбезопасности Склярова. – Прим. авт.).

Если бы плотина была меньше? Все было бы живо. Все были бы живы.

Контакты проекта Сайт: http://krokhino.ru/

Facebook: https://www.facebook.com/Krokhino Вконтакте: http://vk.com/krokhino.page

Поддержать проект: http://fond.predanie.ru/nitka/blago/141572/

Теги: восстановление храма, затопленные храмы, храм

Нравится 765 | 3 | Твитнуть | G+1 5 | 24 | Помочь Правмиру

комментарии

ОКСАНА К. | 13.12.2014 16:12

Поразительно, что человек взялся за такое дело и так настойчиво не отступает, это вызывает уважение. Наверное это зачем-то нужно именно Анор и в любом исходе - не напрасно. Не хотела сначала писать, но вот вспомнился один приход в деревне, где довольно большой каменный храм и у настоятеля постоянно "болит голова" - где взять средства на его отопление, и пишу: зачем? Зачем нужно восстанавливать храм там, где нет прихода? Ради музея. Просто памятник старины, проехать мимо полюбоваться... да у нас есть, это наша история, туристический потенциал(так на сайте написано). При этом существующим деревенским(наверное не только) приходам порой очень трудно содержать свои храмы, а некоторые и отремонтировать их не могут, но люди буду тратить силы и средства не на живые приходы, а на историю. Не понятно. Т.е. я понимаю, что и это нужно, вопрос в том - какой ценой.

ВИКТОР СУДАРИКОВ | 14.12.2014 00:47

ПравМир обращался уже к этой теме больше 5ти лет назад. - "Осколки Руси" (http://www.pravmir.ru/oskolki-rusi/) Оксана, там есть попытки подумать над заданным Вами вопросом.

Обсудить на форуме

© 2003-2017 АНО «Православие и Мир»
Лицензия Минпечати Эл № ФС77-44847